

ПОПЫТКИ ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ В ПРОЕКТАХ И ПРАКТИКЕ БОЛЬШЕВИКОВ. ОПЫТ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Булыгина Т.А.¹, Кожемяко Т.Н.¹, Федоренко А.И.¹

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, Ставрополь, ул. Пушкина 1.), email: kozhemyako83@mail.ru

В статье проведен анализ политики большевиков по изменению правового и социального статуса женщины Северного Кавказа, а также практика ее реализации в условиях полиэтничного региона. По сути, речь шла о создании новой гендерной идентичности как надэтнического сознания через преодоление межэтнических и религиозных противоречий на основе общей идеологии и упрочнения позиций советской власти на Северном Кавказе. Борьба за создание «новой горянки» была вариантом общей задачи вовлечения женщин страны «в социализм». Однако политика большевиков по установлению женского равноправия на Северном Кавказе реализовывалась чрезвычайно медленно, сопровождаясь большим количеством проблем. Связано это было с этнической пестротой региона, конфессиональным составом его населения, большая часть которого исповедовала ислам а также устойчивостью традиционного менталитета у горских народов.

Ключевые слова: «женский» вопрос, политика большевиков, Северный Кавказ, горянка, ислам, гендерные стереотипы, традиционное сознание.

ATTEMPTS TO CHANGE STATUS OF WOMEN IN PROJECTS AND PRACTICE OF BOLSHEWIKS. EXPERIENCE OF THE NORTH CAUCASUS

Byligina T.A., Kozhemyako T.N., Fedorenko A.I.

North-Caucasian Federal University, Stavropol, Russia (355009, Stavropol, ul. Rushkina 1), email: kozhemyako83@mail.ru

This article analyzes the policy of Bolshewiki to change the legal and social status of women of the North Caucasus, and the practice of its implementation in a multi-ethnic region. In fact, it concerns creating of a new gender identity as a under-ethnic consciousness by overcoming ethnic and religious differences on the basis of common ideology and hardening of the positions of Soviet power in the North Caucasus. The struggle for the creation of a "new Goryanka " was one of the general purposes to involve women in the country "into the socialism." However, the Bolshewiki's policy to establish equal rights for women in the North Caucasus has been implemented very slowly, accompanied by a lot of problems. It was connected with the ethnic diversity of the region, confessional composition of its population, most of whom practiced Islam as well as stability of the traditional mentality among themountainpeoples.

Keywords: "female" issue policy of Bolshewiki, North Caucasus, Goryanka, Islam, gender stereotypes and traditional consciousness.

После прихода к власти большевиков одним из направлений их стратегической задачи воспитания «нового человека», стало вовлечение женщины в строительство нового общества и формирование ее активной общественной позиции. Орудиями этого процесса советская власть считала коренную ломку старого быта и изменение правового и социального статуса женщины, что, по мнению партийно-советского руководства, приведет к желанным социокультурным и ментальным изменениям. Первые после октябрьского переворота 1917 г. декреты советской власти подчеркивали принципиальное отсутствие женского вопроса, т.к. провозглашали всеобщее социальное, в том числе гендерное равноправие. Эта позиция была отражена в декретах ВЦИК и СНК «О гражданском браке» и «О расторжении брака», принятых в декабре 1917 г.,

которые устанавливали гражданский брак вместо церковного и упрощали развод. Эти документы были подтверждены первым кодексом законов РСФСР об актах гражданского состояния 1918 г., куда вошли положения о брачном, семейном и опекуном праве. Его положения уравнивали в правах обоих супругов.

Эти общие представления новых правителей России о положении женщины конкретизировались в практике власти. Во-первых, в ходе государственного и хозяйственного строительства стало ясным, что формирование «нового человека» без специальной «женской» политики проблематично. Во-вторых, женщины оказались существенным потенциалом для обеспечения общественного производства рабочей силой. Эта тенденция, как известно, уже реализовывалась в массовом индустриальном обществе Запада. Законы индустриального развития диктовали такую практику и в советской России. Наконец, региональное, этническое, социокультурное многообразие страны обусловила широкую вариативность реализации проектов большевиков, в том числе и в женском вопросе. Это в полной мере относилось и к Северному Кавказу.

Северокавказский регион, как известно, является перекрестьем культур и цивилизаций, этносов и конфессий. Специфика славянской православной культуры, связанной с колонизацией региона и мощным пластом казачьей культуры, исламская культура и социальные особенности кочевых народов, горская специфика социокультурного существования народов Северного Кавказа – все это отражалось в положении женщины-казачки, женщины-кочевницы, женщины-горянки. В результате «расказачивания» проблема женщины в казачьей среде вообще властью не рассматривалась, также как, и недостаточно внимания уделялось положению женщины в кочевом обществе. «Женский» вопрос на Северном Кавказе в транскрипции местной власти вначале сводился к тому, чтобы вырвать горянку из патриархально-родовой среды традиционного горского общества, из системы исламских ценностей.

В данной статье попытка реализации этих большевистских планов как части амбициозной задачи новой власти создать «нового человека» в условиях полиэтничного региона показана на примере работы 1-го Краевого Съезда горянок объединенного с Терской Окружной конференцией казачек Северного Кавказа 1925 года. По сути, речь шла о создании новой гендерной идентичности как надэтнического сознания через преодоление межэтнических и религиозных противоречий на основе общей идеологии и упрочнения позиций советской власти на Северном Кавказе. Борьба за создание «новой горянки» была вариантом общей задачи вовлечения женщин страны «в социализм».

Основным средством осуществления этих задач в 1920-е гг. была организация широкого разъяснения задач нового строительства и роли в нем женщины путем культурно-

просветительной работы среди женщин. Одним из таких путей были такие массовые мероприятия, как женские съезды и конференции. На Северном Кавказе они стали не только средством вовлечения женского населения региона в общественную жизнь, но и площадкой взаимодействия этносов.

В 1925 г. стало возможным организовать первый Краевого Съезда горянок объединенного с Терской Окружной конференцией казачек. Он впервые собрал вместе представителей различных народов Кавказа, прежде всего горцев и казаков. Съезд таким образом был призван не столько решать проблемы женщин Северного Кавказа, сколько консолидировать женщин региона различных национальностей на основе общей идеологии. Вначале численность съезда, который работал с 17 по 25 июля 1925 г. в Пятигорске, определялась в 200 человек, но в реальности съехались 1300 участников. В первый день работы съезда число участников составило 2000 человек, т.к. присутствовало множество представителей местной власти. Большинство из них были мужчинами, да и многих горянок также сопровождали мужчины. Масштабность и значимость мероприятия подчеркивало присутствие таких почетных гостей, как А.И. Микояна, С.М. Буденного, И.П. Уборевича, К.И. Николаевой.

Составляющим элементом просветительской кампании среди женщин была местная пресса. Поэтому работа съезда горянок получила широкое освещение в газете «Терек», где регулярно публиковались отчеты о съезде с комментариями в духе советской идеологии. К примеру, в статье, посвященной открытию съезда, говорилось о желании горянок «раскрепоститься», «сбросить с себя вековой гнет невежества», стать равноправными с мужчинами членами советского общества. Журналист сам беседовал с делегатками и пришел к предсказуемому выводу, что «сами горянки на съезд смотрят как на что-то большое, важное, после чего их жизнь там, в аулах, пойдет по-новому, по-советски — свободно. С таким настроением горянки прибывают на съезд»[13].

Если сравнить эту корреспонденцию с официальными выступлениями, то кажется, что впечатления корреспондента отражают реальное настроение женщин. Делегатки говорили о своем «угнетенном» положении в Российской империи, которое противопоставляли той свободе, которую дала им советская власть. Фактически все эти выступления были построены по одному сценарию. Карачаевка заявила, что «Женщины горянки были угнетены, забиты, их продавали, но теперь раскрылись наши глаза»[1]. Почти то же самое утверждала и казачка: «царское правительство держало нас в темноте, а Советская власть освободила нас»[2]. Это вполне соответствовало исторической модели власти, когда прошлое структурировалось исключительно в негативных понятиях и противопоставлялось политике советской власти, освещавшейся исключительно в

позитивных тонах. В северокавказском контексте образ горца как труженика, угнетенного местными богачами, получившего освобождение от советов, противопоставлялся образу горца царской эпохи, «человека угрюмого, в большой папахе, с кинжалом и в бурке, который всякую минуту режет направо и налево»[3].

Северокавказская повседневность 1920-х гг. входила в противоречие с официальными декларациями об освобождении горянок. На практике положение женщин Северного Кавказа было далеко от фактического равноправия, и это, наряду с официозной риторикой, просматривается в выступлениях делегатов съезда. Делегатка из Ингушетии рассказала, что «женщина-ингушка очень забита, ее ингуш, муж, держит в кулаке. Если хочешь пойти на собрание, то муж не пускает и говорит: тебе там дела нет, твое дело – сиди дома, делай чебуреки и смотри за своими детьми и комнатой» [4]. Вековые традиции, основанные на нормах адата и шариата, оказались крепкими и устойчивыми к попыткам их искоренить. Мусульманское духовенство продолжало оказывать мощное воздействие на горское общество, особенно на сознание женщин, на характер семейно-бытовых отношений. По словам делегатки от Черкесии, «черкешенка так закабалена своими адатами и шариатами, что она не может пропустить ни одного дня без того, чтобы не помолиться пять раз в день. Она так порабощена своими адатами, что когда она едет с ребенком на руках и едет какой-нибудь мужчина, то она должна подняться с ребенком во весь рост, – это все потому, что женщина у нас чрезвычайно порабощена. Адаты до сих пор не позволяют женщине-черкешенке выйти из дому. Горянка не выходит из дому, боится, чтобы ее другой мужчина не увидал» [5]. Такую же озабоченность высказала и делегатка из Адыгеи: «Женщины горянки, особенно Адыгеи, не могут принять участия ни в какой кооперации, так как у нас очень сильно действует адат, который не дает нам ходу» [6].

Вместе с тем, надо отметить, что разговоры о «забитой горянке» использовались властью в пропагандистских целях. Повседневные практики горянки включали достаточно большой выбор поведенческой активности в общественной сфере. Статус женщины-горянки в традиционном северокавказском обществе был достаточно высок и во многом зависел от социального статуса и экономической стратификации семьи. В кавказском обществе положение женщины определялось не столько принадлежностью к полу, сколько принадлежностью к определенной возрастной группе. Старшая женщина в горском обществе пользовалась гораздо большим уважением, чем младший мужчина. Не случайно среди делегатов-горянок на съезде большинство женщин были в возрасте старше 50 лет. Речь шла не только о почтении к старшим вообще. Дело в том, что зрелая женщина имела гораздо больше возможностей для публичной самопрезентации, нежели в молодые годы.

Решение проблем, связанных с уравниванием женщин в правах с мужчинами, не ограничивались перестройкой общественных отношений. Гораздо сложнее было добиться изменений в массовом сознании традиционного общества. Люди, в большинстве своем, рассматривали разрушение традиционных границ между мужским и женским пространствами, как насильственное уничтожение их родного мира. Вот почему «раскрепощение» горянки на Северном Кавказе сопровождалось болезненной ломкой традиционного сознания жителей региона. Например, многие казаки также негативно воспринимали политику утверждения женского равноправия, считая, что «дело женщины – дети и печки» [7], что только «казак – глава семьи, и пускать женщину управлять страной ему кажется диким» [8].

Доступ женщины в публичную сферу предполагал в перспективе перераспределение гендерных ролей во властных отношениях, а это, в свою очередь, требовало изменения гендерных стереотипов. Изменение мужской ментальности было едва ли не более сложной задачей, чем перестройка женского сознания. Подавляющее большинство мужского населения страны, а тем более, Северного Кавказа, оказалось неготовым к уравниванию их в правах с женщинами.

В национальных районах Северного Кавказа основа общественных отношений была построена на дихотомичности мужского и женского начал, и нивелировка гендерной диспропорции разрушала основы мировоззрения и традиционную самобытность народов региона [12]. Появление женщин в публичных местах и их участие в общественно-политической жизни расценивалось мужчинами-горцами как нарушение обычаев. Это усиливалось осуждением представителями мусульманского духовенства такой женской свободы. В традиционном обществе складывался стереотип женщины-активистки как безнравственной особы. Делегатка из Ингушетии поделилась личным горьким опытом. Каждый раз, когда она шла на собрание, односельчане смеялись вслед ее мужу: «твоя жена не хорошая, она идет на собрание. Она не должна идти на собрание, она должна богу молиться, она должна исполнять религию мусульман, она должна понимать Аллаха». Муж же упрекал в своих бедах жену-активистку: «надо мной смеются из-за тебя». Жена возражала супругу, что участвует в общественной жизни не для себя, а ради своих детей [9]. В результате семейные связи осложнялись, а порой и совсем разрушались.

Среди славянского населения общественная активность женщин также становилась причиной общественного осуждения и конфликтов в семье. Муж одной из крестьянок-работниц категорически не принимал общественную работу жены: «ты не смеешь ходить, какое ты имеешь право ходить, да еще быть членом совета. Я тебе покажу, ты у меня никуда не пойдешь» [10]. Многие казаки грозили разводами своим женам-общественницам. Так, в

Зиновьевском районе Терского округа муж избил жену за то, что ее выбрали в сельсовет. Существенно то, что большинство женщин, попробовав себя в общественной сфере, не желали отступать. К примеру, несмотря на избиения, женщина из Зиновьевского района заявила: «мужа брошу – а в сельсовет пойду» [11].

Как очевидно, большевистская постановка «женского вопроса» повлекла за собой новые проблемы. В частности, на Северном Кавказе реализация их политики столкнулась с устойчивостью и консерватизмом традиционного общества в отличие от условий динамичного индустриального общества, где вопросы гендерного равноправия диктовались характером общественного производства и спецификой городской массовой культуры. Кроме того, такое резкое вмешательство государства в отношения мужчины и женщины грозило существованию самого устойчивого микросообщества – семье. Для создания новой модели семьи необходимо было значительное время, определенный набор социальных условий соответствующий уровень культуры. Формальное правовое равноправие женщины в раннем советском обществе вступало в противоречие с действительностью.

Таким образом, политика большевиков по установлению женского равноправия на Северном Кавказе реализовывалась чрезвычайно медленно, сопровождаясь большим количеством проблем. Связано это было с этнической пестротой региона, конфессиональным составом его населения, большая часть которого исповедовала ислам, а также устойчивостью традиционного менталитета у горских народов. Несмотря на отмену на Северном Кавказа всех законов, ставящих женщину в неравное положение с мужчиной, до фактического равноправия было еще далеко.

Политика большевиков в решении женского вопроса требовала изменения всей системы гендерных социокультурных институтов, на которых базировалась жизнедеятельность северо-кавказских народов, складывавшаяся на протяжении многих веков. Горское общество болезненно воспринимало нововведения советской власти по изменению статуса женщины, поскольку они вели к трансформации гендерных отношений, к изменению социальных ролей мужчин и женщин и требовали изменения гендерных стереотипов. Эта сложная внутренняя работа по изменению сознания коснулась, в первую очередь, мужской ментальности. Подавляющее большинство мужского населения Северного Кавказа, как славянского, так и горского, оказалась попросту не готово к уравниванию женщин с ними в правах. Это обстоятельство порождало разные формы активного и пассивного сопротивления мужского населения Кавказа мероприятиям советской власти по формированию новой гендерной идентичности женщин региона. Специфичность конструирования новой модели гендерных отношений на Северном Кавказе в первой половине 1920-х годов

заклучалась в преемственности «нововведений» в условиях сохранения традиционной системы гендерных стереотипов патриархального социума.

Статья подготовлена в рамках проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Соглашение №14.В37.21.0257.

Список литературы

1. Бюллетень 1-го Краевого Съезда горянок, объединенного с Терской Окружной конференцией казачек. Пятигорск, 1925. С.16.
2. Бюллетень 1-го Краевого Съезда горянок, объединенного с Терской Окружной конференцией казачек. Пятигорск, 1925. С. 32.
3. Бюллетень 1-го Краевого Съезда горянок, объединенного с Терской Окружной конференцией казачек. Пятигорск, 1925. С.17.
4. Бюллетень 1-го Краевого Съезда горянок, объединенного с Терской Окружной конференцией казачек. Пятигорск, 1925. С. 69.
5. Бюллетень 1-го Краевого Съезда горянок, объединенного с Терской Окружной конференцией казачек. Пятигорск, 1925. С. 88.
6. Бюллетень 1-го Краевого Съезда горянок, объединенного с Терской Окружной конференцией казачек. Пятигорск, 1925. С .68.
7. Бюллетень 1-го Краевого Съезда горянок, объединенного с Терской Окружной конференцией казачек. Пятигорск, 1925. С. 93.
8. Бюллетень 1-го Краевого Съезда горянок, объединенного с Терской Окружной конференцией казачек. Пятигорск, 1925. С. 43.
9. Бюллетень 1-го Краевого Съезда горянок, объединенного с Терской Окружной конференцией казачек. Пятигорск, 1925. С. 69.
10. Бюллетень 1-го Краевого Съезда горянок, объединенного с Терской Окружной конференцией казачек. Пятигорск, 1925. С. 91.
11. Бюллетень 1-го Краевого Съезда горянок, объединенного с Терской Окружной конференцией казачек. Пятигорск, 1925. 144.
12. Лысенко О.Е. Эмансипация женщин в исламском культурном пространстве Северного Кавказа. Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. – Ставрополь, 2009, С. 137.
13. «Терек», г. Пятигорск, 18 июля 1925 г.

Рецензенты:

Крючков И.В., д.и.н., профессор, декан факультета истории, философии и искусств Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г.Пятигорск.

Покотилова Т.Е., д.и.н., профессор, профессор кафедры истории России факультета истории, философии и искусств Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г.Пятигорск.